

Бочонок. Ги де Мопассан

Адольфу Тавернье[1]

Дядя Шико, эпревильский трактирщик, остановил свою двуколку перед фермой тетушки Маглуар. То был рослый сорокалетний здоровяк, краснолицый, с брюшком, и слыл он за хитреца.

Он привязал лошадь к столбу забора и вошел во двор. Его владение граничило с усадьбой старухи, и он уже давно зарился на ее землю. Раз двадцать пытался он купить участок, но тетушка Маглуар отказывалась наотрез.

— Тут родилась, тут и помру, — говорила она. Он застал ее у двери за чистой картофеля. В семьдесят два года, сухая, морщинистая, сгорбленная, старуха была неумоима, как молодая девушка. Шико дружески похлопал ее по спине и уселся рядом на табуретку.

— Ну как, матушка, здоровы ли вы?

— Да ничего, а вы как, кум Проспер?

— Эх, кабы не ревматизм, был бы совсем хоть куда.

— Вот и хорошо.

И она замолчала. Шико смотрел, как она работает. Ее скрюченные, узловатые, жесткие, как клешни краба, пальцы словно щипцами выхватывали из корзины бурые клубни; она ловко поворачивала их, срезая длинные полосы кожуры лезвием старого ножа, который держала в другой руке. Чистую желтую картофелину старуха бросала в ведро с водой. Три дерзких курицы друг за дружкой подбирались к самым ее юбкам, хватали очистки и удирали со всех ног, унося добычу в клюве.

Шико, казалось, был сам не свой, его что-то тревожило, смущало, а слова не шли у него с языка. Но вот он решился:

— Скажите-ка, тетушка Маглуар...

— Чем могу услужить?

— Да я все насчет фермы... Продавать не надумали?

— Уж это нет. Не рассчитывайте. Сказано — и хватит, не поминайте об этом.

— А я знаю, как уладить дельце, чтобы и вам и мне была выгода.

— Как же так?

— А вот как. Ферму вы мне продадите, а она все же за вами останется. Невдомек? Послушайте-ка.

Старуха перестала чистить овощи, ее живые глаза из-под сморщенных век усталились на трактирщика.

Он продолжал:

— Сейчас объясню. Каждый месяц я даю вам по сто пятьдесят франков. Понимаете, каждый месяц привожу вам сюда на своей двуколке тридцать экю по сто су. И все у вас идет по-старому, как есть по-старому: живете вы у себя, никакого дела вам до меня нет, и вы ничего мне не должны. Одна у вас забота — брать у меня деньги. Ну что, подходит?

Шико смотрел весело и благодушно.

Старуха же оглядывала его с недоверием, подозревая ловушку. Она спросила:

— Ну, мне-то выгодно, а вам какой прок, вы-то что получите от фермы?

Шико отвечал:

— Ну, уж об этом не беспокойтесь. Вы останетесь здесь, у себя дома, покуда господь бог продлит вам жизнь. Только заготовьте бумажонку у нотариуса, что после вас ферма перейдет ко мне. Детей у вас нет, одни племянники, да они не в счет. Ну как, подходит? Свое добро вы сохраняете до самой смерти, а я даю вам всякий месяц тридцать экю по сто су. Прямая для вас выгода.

Старуха была в недоумении и тревоге, но соблазну поддавалась. Она ответила:

— Что же, не отказываюсь, да только надо все это сообразить. Приходите-ка на той недельке, потолкуем. Скажу вам, что надумала.

И Шико ушел довольный, точно король, завоевавший целую империю.

Старуху Маглуар охватило раздумье. Всю ночь она не сомкнула глаз, целых четыре дня ее мучили всякие сомнения. Она чувала что-то недоброе, но мысль о тридцати экю в месяц, о чудесных звонких монетах, которые посыпаются к ней в передник, свалются прямо с неба, не давала ей покоя.

И вот она отправилась к нотариусу и рассказала о своем деле. Он посоветовал ей согласиться на предложение Шико, но требовать

пятьдесят эю по сто су вместо тридцати, потому что ферма стоила по крайней мере шестьдесят тысяч франков.

— Если вы проживете еще лет пятнадцать, — сказал нотариус, — он и тогда заплатит за нее всего лишь сорок пять тысяч франков.

У старухи заколотилось сердце, когда она услышала о пятидесяти эю в месяц, но держалась она настороже, опасаясь всяких случайностей, скрытых подвохов, и просидела до самого вечера, задавая вопросы и не решаясь уйти. В конце концов она велела заготовить акт и вернулась домой с таким дурманом в голове, будто выпила кружки четыре молодого сидра.

Когда Шико приехал за ответом, она долго отнекивалась, уверяла, что и не думает продавать землю, а сама до смерти боялась, что он не согласится на пятьдесят монет по сто су. Шико настаивал, и ей пришлось выставить свои требования.

Трактирщик подскочил от досады и отказался.

Тут старуха, чтобы убедить его, пустилась в рассуждения о том, долго ли она проживет.

— Уж я наверняка не протяну больше пяти-шести лет. Ведь мне семьдесят третий год пошел, да и плоха я стала. Вот тут как-то вечером совсем было собралась помирать. Так все нутро и выворачивало. До постели еле добралась.

Но Шико не поддавался:

— Будет вам прикидываться, вы ведь крепки, как дуб, до ста десяти лет дотянете. Меня-то наверняка похороните.

Весь день они поспорили. Старуха не уступала, и трактирщику пришлось согласиться на пятьдесят эю.

На следующий день они подписали акт. И тетушка Маглуар потребовала десять эю магарыча.

Прошло три года. Фермерша чувствовала себя превосходно. Она нисколько не постарела, и Шико приходил в отчаяние. Ему казалось, что он целую вечность выплачивает ей ренту, что его обманывают, обкрадывают, разоряют. Время от времени он наезжал к старухе, как в июле ездят в поле — посмотреть, созрел ли хлеб для жатвы. Тетушка Маглуар встречала его с хитрецей во взгляде. Она будто радовалась, что сыграла с ним такую ловкую шутку, и Шико быстро взбирался на свою двуколку, бормоча сквозь зубы:

— Когда же ты подохнешь, старая кляча?!

Он не знал, как ему быть. Его подмывало задушить ее. Он ненавидел старуху дикой, угрюмой ненавистью, ненавистью обворованного крестьянина. И он стал думать, что ему предпринять.

Однажды он явился к тетушке Маглуар, потирая руки, как в тот раз, когда предлагал ей сделку.

Несколько минут он болтал о том о сем и вдруг спросил:

— Скажите-ка, тетушка, почему вы не заходите ко мне в заведение, когда наезжаете в Эпревиль? Люди судачат, говорят, будто мы с вами повздорили; не по душе мне это. Сами знаете, платить вам не придется. Угощу обедом, не поскуплюсь. Будет охота, приходите, не стесняйтесь, уж как обрадуете.

Тетушка Маглуар не заставила повторять приглашение и день спустя, отправившись на рынок в одноколке со своим работником Селестеном, без церемонии поставила лошадь в конюшню трактирщика и потребовала обещанный обед. Шико принял ее радушно, как почетную гостью, подал цыпленка, кровяную и ливерную колбасу, жареную баранину и капусту с салом. Но старуха почти не ела, — она с детства привыкла к умеренности и всегда довольствовалась похлебкой и ломтем хлеба с маслом.

Напрасно потчевал ее раздосадованный Шико. Она и не пила ничего. Даже кофе не захотела.

Шико спросил:

— Уж рюмочку-то вы выпьете?

— Ну, разумеется. Не откажусь.

Он крикнул на весь трактир:

— Розали, принеси-ка виноградной, да покрепче, самой что ни есть крепкой.

И служанка принесла узкую бутылку, украшенную бумажным виноградным листом.

Шико наполнил две рюмки.

— А ну-ка, отведайте, — право, знатная!

Старуха стала пить не спеша, маленькими глоточками, чтобы продлить удовольствие. Она осушила рюмку, слизнула языком капли и объявила:

— Да, хороша!

Не успела тетушка Маглуар договорить, как Шико налил ей еще. Отказываться было поздно, и она смаковала вторую рюмку так же долго, как и первую.

Трактирщик уговаривал ее выпить и по третьей, но она воспротивилась. Он настаивал:

— Да ведь это же просто молоко; я выпиваю по десять — двенадцать рюмок, и хоть бы что. Прямо незаметно проходит. Ни в желудке, ни в голове не остается; можно сказать, тает во рту. Ничего нет лучше для здоровья.

Старухе очень хотелось выпить, и она уступила, но полрюмки оставила.

Тут Шико в порыве великодушия воскликнул:

— Вот что! Раз вам вино по вкусу, я и бочонка не пожалею, сами увидите, какой я вам друг!

Старуха не отказалась и ушла под хмельком.

На следующий день трактирщик въехал во двор тетушки Маглуар и вытащил из двуколки бочонок, окованный железом. Шико заставил старуху попробовать содержимое — убедиться, что виноградное то же самое; и когда они выпили по три рюмки, он ушел со словами:

— И знайте, опустеет бочонок, привезу еще, так что не стесняйтесь, я не поскуплюсь. Чем скорее выпьете, тем мне приятнее будет.

И влез на свою двуколку.

Возвратился он четыре дня спустя. Старуха около двери нарезала хлеб к обеду.

Шико подошел, поздоровался, наклонился к самому лицу тетушки Маглуар, чтобы уловить ее дыхание. От нее пахло спиртным. Он просиял и спросил:

— Не угостите ли меня рюмочкой?

И они раза два-три чокнулись.

Вскоре разнесся слух, что тетушка Маглуар напивается в одиночку. Ее подбирали то на кухне, то на дворе, то на окрестных дорогах и приносили домой мертвецки пьяную.

Шико на ферму больше не ездил, и, когда ему говорили о старухе, он бормотал с огорченным видом:

— Ведь вот несчастье — в ее-то годы завести такую привычку! Известное дело, к старости силы уж не те. Как бы не случилось какой беды!

И действительно, с нею случилась беда. В ту же зиму перед самым рождеством пьяная старуха упала прямо в снег и умерла.

И кум Шико, унаследовавший ее ферму, заявил:

— Вот дуреха! Кабы она не запила, протянула бы еще лет десять.

Примечания

Напечатано в "Голуа" 7 апреля 1884 года.

1 Адольф Тавернье — французский литератор, автор книги «Искусство дуэли».